

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ

*ДУХ МАДАМ КРАУЛ
И ДРУГИЕ ТАИНСТВЕННЫЕ ИСТОРИИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44
ЛЗЗ

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского Л. Бриловой, Е. Токаревой

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Дизайн обложки В. Воронина

Ле Фаню, Джозеф Шеридан.

ЛЗЗ Дух мадам Краул и другие таинственные истории: [сборник] / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; [перевод с английского Л. Бриловой, Е. Токаревой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-173664-4

На страницах этого сборника читатели столкнутся с ледящими душу историями, которые погрузят их в мир потустороннего и необъяснимого.

В главном рассказе «Дух мадам Краул» повествование развивается вокруг молодой девушки, которая устраивается на работу к Арабелле Краул. В доме старухи слуги долго не задерживаются, ходят слухи, что столетняя хозяйка одержима дьяволом и причастна к исчезновению своего пасынка. Когда юная помощница становится свидетельницей странных событий и сталкивается с призрачной фигурой, границы между реальностью и сверхъестественным начинают стираться...

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© Перевод. Л. Брилова, 2025
© Перевод. Е. Токарева, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Дух мадам Краул

Нынче я уже старуха, а к тому дню, когда меня привезли в Эпплуэйл-Хаус, мне не сравнялось еще и четырнадцати. Моя тетка служила там экономкой, и в Лексхо прислали лошадь с коляской, чтобы отвезти меня и мой сундучок в Эпплуэйл.

Мне сделалось немножечко боязно еще по дороге в Лексхо, а стоило мне увидеть коляску и лошадь, как тут же захотелось обратно к маме, в Хейзелден. Когда я влезала в «возок» (так мы называли коляску), слезы у меня потекли ручьем, и старый Джон Малбери, который правил лошадью, купил мне в утешение — добрая душа — несколько яблок в «Золотом льве» и еще сказал, что в большом доме есть пирог с корицей, и чай, и свиные отбивные — все это стоит горячее у тетушки в комнате и ждет меня не дождется. Ночь была лунная, красивая; я ела яблоки и выглядывала в окошко возка.

Стыд и срам, когда джентльмены страшат маленькую глупышку, какой я тогда была. Иной раз мне сдается, что они надо мной смеялись. Их сидело двое в почтовой карете позади меня. И они давай меня расспрашивать (а ночь уже настала, и взошла луна), куда это я еду. Я и рассказала им, что соби-

раюсь прислуживать госпоже Арабелле Краул в Эпплуэйл-Хаус, под Лексхо.

— А, ну тогда долго ты там не задержишься! — говорит один из них.

И я удивленно на него вылупилась, желая спросить: «Это еще почему?»; я ведь докладывала им, куда еду, с умным видом и задравши нос.

— Дело вот в чем... — продолжает джентльмен, — но только ты ни за что на свете никому об этом не говори, лишь поглядывай за ней да примечай; дело в том, что в нее вселился дьявол; она и сама больше чем наполовину дух. У тебя Библия есть?

— Да, сэр, — говорю. (Потому что матушка сунула мне в сундучок маленькую Библию и я знала, что книга там; между прочим, она и сейчас у меня в шкафу, хотя буквы в ней чересчур маленькие для моих старых глаз.)

Когда я при словах «Да, сэр» на него взглянула, то он как будто бы подморгнул своему приятелю, но, может, мне и почудилось.

— Хорошо, — говорит джентльмен, — не забывай класть ее на ночь под подушку, и тогда старуха до тебя не доберется.

Какой тут на меня напал страх, вообразите сами! Мне хотелось многое у него выпросить про старую леди, но я слишком робела, а они с приятелем стали толковать про свое, и сошла я в Лексхо, как я уже рассказывала, не зная, что и думать. Когда мы въехали в темную аллею, душа у меня ушла в пятки. Деревья там росли густые-прегустые, большие и почти такие же старые, как дом, и четверо человек стояли, держась за вытянутые руки, а одежды кое на ком из них — кот наплакал.

Я высунулась из окошка и вытянула шею, чтобы получше рассмотреть большой дом, и сама не заметила, как мы очутились у крыльца.

Дом этот просторный, черно-белый, со здоровенными черными балками наискосок и стоймя; его белые, как простыни, фронтоны смотрели прямо на луну, и на фасад падали тени двух-трех деревьев — такие четкие, что можно было сосчитать каждый листочек, и на всей передней части дома одно лишь окно большого холла сверкало множеством фигурных стеклышек, а на все остальные окна были по-старинному навешены наружные ставни, заколоченные крест-накрест; это потому, что в доме кроме старой хозяйки жили еще всего трое или четверо слуг и больше половины комнат пустовало.

Как подумала я, что вот и кончилась поездка, что стою я уже перед господским домом и где-то поблизости тетка, которой я никогда не видела, а с ней и хозяйка, мадам Краул, незнакомая, но уже такая страшная, и сердце у меня перевернулось.

Тетушка поцеловала меня в холле и повела к себе. Была она высокая и худая, лицо бледное, глаза черные, на длинных тонких руках черные митенки. Ей шел шестой десяток, и слов зря она не тратила, но каждое ее слово было закон. Жаловаться не на что, но женщина она была строгая, и сдается мне: приходится я ей племянницей по сестре, а не по брату, она была бы со мной ласковее. Правда, что сейчас об этом говорить.

Сквайр — звали его мистер Чивни Краул, и был он внуком мадам Краул — заявлялся туда раза два или три в год — только присмотреть, чтобы старую леди обихаживали как полагается. За все время я видела его в Эпплуэйл-Хаус всего лишь дважды.

И несмотря ни на что, уход за ней был хороший, и благодарить за это нужно мою тетушку и миссис Уайверн, горничную, — они долг свой знали и служили на совесть.

Миссис Уайверн (обращаясь к ней, тетушка говорила «Мэг Уайверн», а мне про нее — «миссис Уайверн») была женщина пятидесяти лет, толстая и веселая, солидная что ростом, что обхватом, никогда не сердилась и ходила черепашьям шагом. Жалованье она получала хорошее, но тратиться не очень любила; тонкое белье она держала под замком и носила обычно хлопковую саржу шоколадного цвета с рисунком из красных, желтых и зеленых веточек и горошин, и служило это платье на удивление долго.

Она ни разу мне ничего не подарила — ни на медный грош, — но была добра и всегда смеялась, за чаем болтала без умолку одно и то же; когда она видела, что я приуныла или растерялась, она развлекала меня шутками и историями, и мне кажется, я любила ее больше, чем тетушку, — ведь дети падки до забав и сказок, а тетушка хотя и сделала мне много добра, но все же кое в чем бывала строга и вечно молчала.

Тетушка отвела меня к себе в спальню, чтобы я немного отдохнула, пока она будет готовить чай. Но прежде она похлопала меня по плечу и сказала, что я высокая девочка для своих лет и здорово вымахала, и спросила, умею ли я шить и вышивать, и, взглядевшись мне в лицо, сказала, что я похожа на своего отца, ее брата, который умер и погребен, и она надеется, что я добрая христианка, не то что он, и умею вести себя как подобает.

И я подумала, что, с тех пор как я вошла к ней в комнату, впервые слышу от нее недобрые слова.

А когда я перешла из спальни в комнату экономки, такую уютную, сплошь в дубовых панелях, в камине вовсю полыхали угли, и торф, и поленья — всё вместе, а на столе стоял чай, и горячие пирожки, и мясо, от которого поднимался дымок; там же сидела миссис Уайверн, толстая и веселая, и рот у нее не закрывался — за час она успевала сказать больше слов, чем тетушка за год.

Я еще пила чай, когда тетушка поднялась наверх проводить мадам Краул.

— Она пошла взглянуть, не задремала ли старая Джудит Сквейлз, — молвила миссис Уайверн. — Джудит сидит с мадам Краул, когда мы с миссис Шаттерз (так звали мою тетушку) обе отлучаемся. Со старой леди хлопот не оберешься. Тебе придется смотреть в оба, а то она или свалится в огонь, или выпадет из окошка. Она вся как на иголках, даром что старуха.

— А сколько ей лет, мэм? — спросила я.

— Девяносто три года сравнялось, и еще восемь месяцев, — говорит миссис Уайверн со смехом. — И не расспрашивай о ней при тетушке... имей в виду; довольно с тебя того, что сама увидишь, вот и все.

— А что мне придется для нее делать — будьте добры, мэм? — спрашиваю.

— Для старой леди? Это тебе объяснит твоя тетя, миссис Шаттерз, но я так понимаю, что тебе придется сидеть с шитьем у нее в комнате и следить, как бы со старой леди чего-нибудь не приключилось и чтобы она забавлялась своими вещичками за столом; еще нужно будет, если она пожелает, приносить ей еду или питье, и смотреть, чтобы чего не стряслось, и звонить в колокольчик, если она закапризничает.

— Она глухая, мэм?

— Нет, она и слышит, и видит на три аршина под землей, но она совсем того и не в ладах с памятью; ей что Джек Истребитель Великанов или Матушка Паратуфель, что королевский двор или государственные дела — все едино.

— А почему, мэм, ушла та девочка, которая на-нялась в пятницу? Тетя писала моей матушке, что ей пришлось уйти.

— Да, она ушла.

— А почему? — повторила я.

— Миссис Шаттерз она не устроила, так я понимаю, — отвечала миссис Уайверн. — Не знаю. Болтай поменьше, твоя тетя не выносит болтливых детей.

— Пожалуйста, мэм, скажите, как здоровье у старой леди?

— Ну, об этом спросить можно. Давеча немного раскисла, но на этой неделе ей получше; верно, до ста лет дотянет. Тсс! Вот и тетя твоя идет по коридору.

Вошла тетушка и начала говорить с миссис Уайверн, а я, привыкнув немного и освоившись, стала ходить туда-сюда по комнате и рассматривать вещи. На буфете стояли красивые старинные безделушки из фарфора, на стене висели картины; прямо в стенной панели я увидела открытую дверцу, а за ней — старинный кожаный камзол, и такой чудной: с ремешками и пряжками и с рукавами длинной с кроватный столбик.

— Что ты там делаешь, детка? — вдруг строго спросила тетушка, когда мне казалось, что она обо мне и думать забыла. — Что это у тебя в руках?

— Это, мэм? — Я оборотилась, не выпуская камзола. — Знать не знаю, мэм, что это такое.

Бледное тетино лицо покраснелось, а глаза засверкали от злости, и я подумала, что, если бы нас не разделяло несколько шагов, она бы дала мне оплеуху. Но она только встряхнула меня за плечо, вырвала камзол у меня из рук, сказала: «Никогда не смей в этом доме трогать то, что тебе не принадлежит!», повесила камзол обратно на гвоздь, захлопнула дверцу и заперла ее на ключ.

Миссис Уайверн тем временем как ни в чем не бывало сидела в кресле и смеялась, всплескивая руками и слегка раскачиваясь, — как всегда, когда дурачилась.

У меня на глазах выступили слезы, и миссис Уайверн (которая тоже прослезилась, но от смеха) сделала знак тетке. «Ну-ну, девочка не хотела ничего дурного... иди ко мне, детка. Это всего-навсего тепа для недотепы; и не задавай лишних вопросов, чтобы нам не приходилось врать. Сядь-ка сюда и выпей кружку пива, а потом ступай в постель».

Моя комната была наверху, по соседству со спальней старой леди, где стояли рядом кровати ее и миссис Уайверн, а я должна была откликаться на зов, если что-нибудь понадобится.

Старая леди в тот вечер была снова не в себе — еще с середины дня. На нее находил, бывало, сердитый стих. То, случалось, она не дает себя одеть, то раздеть. В былые дни, говорили, она была красавицей. Но ни в Эпплуэйле, ни поблизости некому было уже помнить пору ее расцвета. А наряжаться она любила до ужаса; толстых шелков, тугого атласа, бархата, кружев и прочего добра у нее

хватило бы на семь лавок. Все ее платья были немодные и смешные, но стоили целое состояние.

Ну ладно, отправилась я в постель. Я долго лежала без сна, потому что все вокруг было мне в новинку; опять же и чай, сдается, разбудоражил меня с непривычки: раньше я пила его только по праздникам. В соседней комнате заговорила миссис Уайверн, и я поднесла ладошку к уху и стала прислушиваться, но голоса мадам Краул так и не различила — она, наверное, все время молчала.

Ухаживали за ней со всем старанием. Слуги в Эпплуэйле знали, что, когда она умрет, их всех до одного рассчитают, а работа здесь была немудреная и жалованье хорошее.

Доктор приходил к старой леди дважды в неделю, и, уж будьте уверены, что он велел, то слуги исполняли в точности. И каждый раз он повторял одно: нипочем ей не перечесть, а, наоборот, ублажать и во всем потакать.

И вот она пролежала одетая всю ночь и следующий день и не пожелала рта раскрыть, а я с утра до вечера сидела за шитьем у себя в комнате, только спускалась пообедать.

Я не прочь была поглядеть на старую леди и даже послушать, что она скажет, но ничего не получилось; что она здесь, что где-нибудь в Ланноне — никакой разницы.

После обеда тетушка послала меня на часок прогуляться. Я была рада вернуться обратно: деревья росли вокруг такие большие, вокруг было темно и пусто, небо затянуло тучами, я ходила одна, вспоминала дом и лила слезы. В тот вечер я сидела при свечах у себя, дверь в комнату мадам Краул была открыта, и за старой леди присматривала моя те-

тушка. И тут я в первый раз услышала, как мне кажется, голос старой леди.

Это были какие-то диковинные звуки — уж не знаю, с чем их и сравнить, то ли с чириканьем, то ли с мычанием, — но очень тоненькие и тихие.

Я всю навострила слух. Но ни слова было не разобрать. И тетка моя ответила:

— Нечистый никому ничего не сделает, если только Господь не попустит.

Тогда тот же чудной голос из кровати произнес еще несколько слов — я не уразумела каких.

И тетушка опять ответила:

— Пусть себе строят рожи, мэм, и говорят что им вздумается; если Господь Бог за нас, кто нас тронет?

Я слушала, вытянув шею и затаив дыхание, но больше ни слова и ни звука из спальни не донеслось. Прошло минут двадцать, я сидела за столом и рассматривала картинки в старых баснях Эзопа, и тут у входа что-то задвигалось; я подняла голову и увидела, что в дверь, делая знаки рукой, заглядывает тетушка.

— Тс-с! — произнесла она чуть слышно, подошла на цыпочках и прошептала: — Слава богу, она наконец заснула; сиди тихо, как мышка, я сойду вниз выпить чашку чаю и живо вернусь вместе с миссис Уайверн — она будет спать в комнате мадам; а ты, когда мы поднимемся, ступай бегом вниз, в мою комнату: Джудит принесет тебе туда ужин.

С этими словами она ушла.

Я, как прежде, смотрела книжку с картинками и временами прислушивалась, но не различала не то что шороха, но даже дыхания, и, чтобы было не так боязно одной в большой комнате, принялась

шепотом разговаривать с картинками и сама с собой.

Под конец я поднялась и стала обходить комнату, все осматривать и заглядывать туда-сюда — вы ведь понимаете, мне нужно было чем-нибудь развлечься. А потом? Потом я сунула нос в спальню мадам Краул.

Это оказалась просторная комната; большущая кровать со столбиками была плотно завешена цветастым пологом, который спускался складками от самого потолка до пола. Там стояло зеркало — таких громадных я еще не видывала, — и все было залито светом. Я насчитала двадцать две восковые свечи, и все горели. Так уж ей взбрело в голову, а перечить мадам Краул никто не осмеливался.

У двери я прислушалась и осмотрелась, разинув рот. Когда же не уловила ни звука дыхания, ни шевеления занавесок, я набралась духу, вошла на цыпочках и снова осмотрелась. Потом я полюбовалась на себя в зеркало, и наконец мне пришла в голову мысль: «А почему бы не поглядеть на старую леди в постели?»

Если бы вы могли хоть немного себе представить, до чего мне хотелось увидеть госпожу Краул, вы бы решили, что я совсем сбрендилла. И я подумала, что если не воспользуюсь случаем, то второго такого, может, не будет еще много дней.

Ну вот, мои хорошие, подошла я к постели, укрытой за пологом, и тут едва не струхнула. Но собралась с духом и просунула меж плотных занавесок сперва палец, а потом и руку. Я немного помедлила, но все было тихо, как в могиле. И я потихонечку сдвинула полог, а за ним и вправду оказалась та самая знаменитая госпожа Краул из Эпплуэйл-Хаус,

вытянувшаяся, как раскрашенная леди с надгробия, которое я видела в церкви в Лексхо. Мадам Краул лежала наряженная и разукрашенная. Ничего подобного вы никогда не видели. Ну и картина это была, скажу я вам: атлас и шелка, алое и зеленое, золото и цветные кружева! На макушке — громадный пудренный парик, в половину ее роста, и — бог мой! — морщин-морщин... не пересчитать, безобразная шея вся набелена, щеки в румянах, мышинные брови (миссис Уайверн их подрисовывала); она лежала такая важная и застывшая, в шелковых чулках со стрелками, а каблук у нее на туфлях были пальцев в девять, не меньше. Боже ты мой, нос у нее был тонкий и крючковатый, из-под век виднелись белки. Она, бывало, так вот нарядившись, взяв в руки веер и засунув за корсаж букет, стояла перед зеркалом, хихикала и пускала слюни. Ее сморщенные ручки были вытянуты вдоль боков, и таких длинных заостренных ногтей я ни у кого не встречала. Мода, что ли, была когда-то у знати на такие ногти?

Думаю, от такого зрелища и вы бы порядком напугались. Я была не в силах выпустить полог, ни сдвинуться с места, ни оторвать от нее взгляда; у меня аж сердце перестало биться. И тут она открывает глаза, садится, поворачивается и со стуком ставит свои каблучицы на пол, а сама сверлит меня большущими, словно бы стеклянными глазами, морщинистые губы зло усмеваются, и видны длинные фальшивые зубы.

Что там покойник — покойник дело обыкновенное, а вот страшнее этого мне ничего не доводилось видеть. Она указывала рукой прямо на меня, а спина у нее была круглая от старости. И мадам Краул говорит:

— Ах ты, чертенок! Ты почему сказала, что я убила этого мальчишку? Я защекочу тебя до смерти!

Тут бы мне развернуться и давай бог ноги, но я не могла отвести от нее глаз, и мне оставалось только пятиться как можно быстрее, а она наступала со стуком, как автомат, тянула пальцы к моему горлу и все время делала языком как будто «зизз-зизз-зизз».

Я все пятилась, торопясь изо всех сил, а ее пальцам оставалось до моего горла всего несколько дюймов, и мне казалось, что тронь она меня — и я решуь ума.

Отступая, я забралась прямо в угол и завопила как резаная; в ту же минуту моя тетушка громко закричала в дверях, и старая леди обернулась к ней, а я, пробежав без остановки всю комнату, изо всех сил припустила вниз по задней лестнице.

Добравшись до комнаты экономки, я, само собой, залилась слезами. Миссис Уайверн смеялась до упаду, когда я рассказала ей, что произошло. Но, услышав слова старой леди, она переменяла тон.

— Повтори-ка снова, — попросила она.

И я повторила:

— «Ах ты, чертенок! Ты почему сказала, что я убила этого мальчишку? Я защекочу тебя до смерти!»

— А ты говорила, что она убила мальчишку? — спрашивает миссис Уайверн.

— Нет, мэм, — отвечаю.

С тех пор, когда тетушка и миссис Уайверн обе отлучались, со мной наверху всегда сидела Джудит. Я бы лучше выпрыгнула в окошко, чем осталась одна с мадам Краул.

Спустя неделю (если я правильно припоминаю), когда мы с миссис Уайверн были вдвоем, она рассказала мне кое-что новое о мадам Краул.

Когда та была молода и очень красива (полных семь десятков лет назад), она вышла замуж за сквайра Краула из Эпплуэйла. Мистер Краул был вдовец с девятилетним сыном.

Как-то утром мальчик исчез, и ни слуху о нем, ни духу. Куда он ушел, никому было невдомек. Ему давали чересчур много воли, и он, бывало, то отправится завтракать к леснику в сторожку, а потом к кроличьим садкам и домой не показывается до вечера, то весь день пробудет на озере, купается, ловит рыбу и катается на лодке. И вот никто знать не знал, что с ним приключилось, только у озера, под кустом боярышника (который до сих пор там растет), нашли его шляпу, и все решили, что мальчуган утонул во время купания. И все имение досталось по наследству ребенку от второго брака — сыну этой самой мадам Краул, которая жила и жила уже целую вечность. А когда я стала служить в Эпплуэйле, хозяином уже был его сын, внук старой леди, сквайр Чивни Краул.

Давно, когда еще тети моей здесь не было, в народе ходили всякие толки; люди говаривали, будто мачеха кое-что знает, но помалкивает. И еще — что она опутала своего мужа, старого сквайра, чарами и лстивыми речами. А мальчика больше никто не встречал, и со временем все о нем позабыли.

А сейчас я собираюсь рассказать о том, что видела собственными глазами.

Со дня моего приезда прошло меньше полугода, была зима, и у старой леди началась хворь, которая свела ее в могилу.

Доктор боялся, что у нее будет припадок бешенства, как пятнадцать лет назад, когда на нее пришлось много раз надевать смирительную рубашку —

